

поскольку современное развитие экономических отношений белорусского государства требует активного внедрения разнообразных правовых конструкций, направленных на совершенствование гражданского оборота. В частности, опцион на заключение договора и опционный договор будут востребованы практикой и уже встречаются в правоприменительной практике при совершении сделок с ценными бумагами, поскольку действующее законодательство допускает заключение сделок, хотя и не предусмотренных законодательством, но не противоречащих ему. Вместе с тем обращаем внимание на следующие аспекты.

Пунктом вторым статьи 429.2 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что в случае, когда опционом на заключение договора срок для акцепта безотзывной оферты не установлен, этот срок считается равным одному году, если иное не вытекает из существа договора или обычаев. В силу нестабильности экономической ситуации, непредсказуемых скачков цен и иных экономических факторов следует сократить срок для акцепта безотзывной оферты до, например, 6 месяцев с учетом возможности установления более длительного срока по соглашению сторон. Также, на наш взгляд, следует рассмотреть вопрос о сроке реализации права стороны на требование совершения предусмотренных опционным договором действий, исключив из числа существенных условий данного договора требование о сроке. Данная позиция может быть реализована путем установления в качестве общего правила об ограничительном действии, например, 6-месячного срока на реализацию такого права требования, если указанный срок не согласован сторонами в опционном договоре.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

«Mater familias»: к вопросу о статусе женщины в римском праве

О.М. Ленцевич

Минский инновационный университет, г. Минск, Беларусь

liantsevich.volga@yandex.ru

Семья – *familia* – составляла основу древнеримского общества. Принадлежность к семье, а через нее – к конкретному роду (*gens*) обеспечивала статус гражданства в Древнем Риме со времен его основания. Вместе со статусом свободы (*status libertatis*) и статусом гражданства (*status civitatis*) статус семьи обеспечивал полную правоспособность в государстве. На практике в сфере публичного права (*jus publicum*) это означало возможность участвовать в народных собраниях и занимать государственные должности, в гражданском праве (*jus civile*) – вступать в «правильный брак» и участвовать в имущественных правоотношениях. Таким образом, институт семьи занимал значительную роль в римском обществе, а значит, и в римском частном праве.

В римском праве не наблюдалось разделения общества на мужчин и женщин, а выводились две основные группы: *mares* (мужчины), *feminae* (женщины); таким образом, и мужчина, и женщина рассматривались только как мать и отец. Уже древнейший правовой сборник – Законы XII таблиц (V в. до н.э.) – указывает на то, что законный гражданский брак (так называемый «правильный брак», *matrimonium iustum*) возможен только между *civis* – гражданами государства. Для мужчин необходимыми условиями для признания гражданином была принадлежность к римской гражданской общине, личная свобода, определенный семейный статус и возраст. Положение женщин в качестве *civis* характеризовалось такими общими с мужчинами признаками, как место жительства, социальное положение, статус свободы [1, с. 9–10]. Стоит также отметить, что родители женщины (по крайней мере отец) должны были являться римскими гражданами [2, с. 94–95]. Д.В. Дождев весьма подробно характеризует основные черты *matrimonium iustum* [3, с. 320].

Римская семья строго патриархальна, а римский брак патрилокален. В древнейший период (VI – сер. III вв. до н.э.) преобладающим являлась форма брака *cum manu mariti*, дословно – «под рукой супруга». Она предполагала переход женщины из-под власти собственного отца в новую семью, под власть мужа или его отца, в случае если муж не являлся персоной *sui juris*. Это так называемая агнатская семья. Именно в этот период источники обозначают титулы, которые сформировались в римской *familia* – *pater familias* и *mater familias* соответственно. Звание *pater familias* (домовладыка) довольно однозначно: его получал взрослый мужчина *sui juris*, создавая семью. Все члены его семьи: жена, дети, внуки – в последующем находились в полном подчинении ему, являясь персонami *alieni juris*. Только титул *pater familias* обеспечивал гражданскую

правоспособность и давал широкие права своему обладателю. Глава семейства обладал высшими жреческими функциями в *familia*, признавал или отвергал своего новорожденного ребенка, проводя специальную процедуру, описанную в источниках [4, с. 17]. Только домовладыка, обладая полной властью (*patria potestas*) над своими домочадцами, женил сына и выдавал замуж дочь, имел право отпустить ребенка из-под своей власти (эмансипировать), принимал решение об усыновлении/удочерении, мог изгнать жену в случае ее бесплодия. После развода дети оставались в семье отца. Перед смертью *pater familias* назначал опекуна для жены и детей. Только домовладыка распоряжался принадлежавшими семье ресурсами, в том числе приданым жены и всеми доходами, которые приносили семье взрослые дети [5, с. 212; 1, с. 32; 6, с. 116; 7, с. 93]. С другой стороны, только члены патриархальной семьи наследовали имущество после смерти *pater familias*, поскольку институт завещания в древнейший период отсутствовал. После смерти отца взрослые сыновья становились персонами *sui juris* и получали титул домовладыки в случае, если создавали собственную семью.

Однако для нас наибольший интерес представляет титул *mater familias*, прежде всего в силу неоднозначности его трактовки в современных исследованиях. В древнейший период его могла получить только женщина, состоящая в браке *cum manu*, т.е. находящаяся в полной власти мужа и занимающая место дочери. Одно из первых упоминаний титула находится в описании обряда «покупки» (*coemptio*) невесты посредством «меди и весов», во время которого произносилась формула «*An sibi mater familias esse vellet*» («Желаешь ли ты для меня быть достойной матерью семейства?»), на что жена отвечала: «*Se velle*» («Желаю»). Ульпиан (кон. II – III в.) утверждает, что *mater familias* может быть только та, в отношении которой была совершена «покупка» (Ульп. Фраг. II). Гай (II в.) приводит три способа заключения законного брака, в результате которых жена переходила под власть мужчины в агнатскую семью: покупка (*coemptio*) посредством манципации (G. I. 1.110), давность (*usus*) и посредством жертвенного хлеба (*confarreatio*) (G. I. 1.119-120). При этом женщина выступает в качестве объекта, а не субъекта права, т.е. является скорее не лицом, а вещью.

В классическую эпоху (III в. до н.э. – III в. н.э.) брак *cum manu* постепенно вытесняется формой *sine manu*, которая давала определенную свободу женщине. Титул же *mater familias*, матроны, продолжают получать только подвластные мужу женщины [8, с. 214; 9, с. 136; 7, с. 93]. Однако В. Смирин находит глубокие противоречия в толковании исконного значения титула более поздними авторами: Фест, например, считает, что «Мать семейства начинала так называться не раньше, чем ее муж будет назван отцом семейства. И это звание может иметь в одной фамилии только одна. И ни вдова, ни бездетная так зваться не может» [10, с. 73]. Эту точку зрения поддерживает Н. Майорова [11, с. 5]. Более поздние «Дигесты» (VI в.) употребляют «*mater familias*» для обозначения законной жены сына, даже если он находится под опекой (D. 1.7.44). Несколько версий употребления титула предлагает Ульпиан, однако в его общем определении «...матерью семейства делают ... не брак, не рождение, а нравственный образ жизни» (D. 50.16.46.1).

Титул *mater familias* не могла носить плебейка, вышедшая замуж за патриция; результатом такого брака являлись «материнские дети», которые не наследовали положение отца [12, с. 51]. Здесь к половой дискриминации прибавляется социальная, имеющая место также в случае, когда дети становились гражданами государства, если их отец являлся *civis*, даже если мать была перегриной (если подобный брак был разрешен властями) (Ульп. фраг. V.9). В обратном же случае, по утверждению Ульпиана, когда в семье только мать была дочерью гражданина Рима, «...дети вместе с отцом считались иностранцами» (Фраг. V.8).

Вероятно, различные версии получения титула связаны с изменением реалий римской жизни, и в частности эволюции института брака и положения женщины. Наиболее распространенная в классический период точка зрения берет свое начало во II в.: титул *mater familias* могла носить любая женщина *sui juris* (D. 32.41.7), которая приобрела свое положение в результате смерти отца или эмансипации. В отличие от привилегий, которые давало звание *pater familias*, привилегии женщины с подобным званием сформулированы довольно расплывчато: «...титул давал честь, достоинство и даже присваивал гражданство, если не политическое, то ... добродетель как назначение...» [13, с. 89]. Таким образом, титул женщины получали только благодаря своей физической природе.

Литература

1. Peppe, L. Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in eta repubblicana / L. Peppe. – Milano: Giuffrè, 1984. – 182 p.
2. Римские древности: Краткий очерк / под ред. И.В. Алферовой. – Смоленск: Русич, 2000. – 384 с.
3. Дождев, Д.В. Римское частное право: уч-к для юр. вузов и ф-тов / Д.В. Дождев; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М: НОРМА, 2000. – 784 с.

4. Ленцевич, О.М. Некоторые аспекты правового положения женщины в Римской империи / О.М. Ленцевич // Вестник БГУ. Сер. 3. – 2001. – № 1. – С. 15–21.
5. Штаерман, Е.М. Римское право / Е.М. Штаерман // Культура Древнего Рима: В 2 т. / отв. ред. Е.С. Голубцова. – М.: Наука, 1985. – Т.1. – С. 210–247.
6. Крук, Д. Отецская власть / Д. Крук // Современные исследования римского права: реферат. сб. ст. / под ред. В.С. Нерсисянц, Ю.С. Пивоварова, Н.Н. Разумовича [и др.]. – М.: ИНИОН АН СССР, 1987. – С. 116–121.
7. Маяк, И.Л. Женщина в раннем Риме (V–IV вв. до н.э.) / И.Л. Маяк // Женщина в античном мире: сб. ст. / отв. ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин. – М., 1995. – С. 86–97.
8. Бартошек, М. Римское право: Понятия. Термины. Определения: пер. с чешск. / М. Бартошек. – М.: Юридическая литература, 1989. – 448 с.
9. Римское частное право: учеб. пособие / И.С. Перетерский, В.А. Краснокутский, Е.А. Флейшиц [и др.]. – М.: Юридическое издательство Мин-ва Юстиции СССР, 1948. – 584 с.
10. Смирин, В.М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян / В.М. Смирин // Культура Древнего Рима: в 2 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 2. – С. 5–78.
11. Майорова, Н.Г. Семья в Риме VII – начала VI в. до н.э. / Н.Г. Майорова // Античность Европы: межвуз. сб. науч. тр.; под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой. – Пермь, 1992. – С. 3–8.
12. Johnston, H.W. The private life of the Rome / H.W. Johnston. – Chicago: Scott, Foresman and Company, 1905. – 344 p.
13. Thomas, Y. The division of the sexes in Roman Law / Y. Thomas // A History of Women In the West: in 6 vol. / gen. ed. by G. Duby, M. Perrot. – London: Harvard University Press, 1997. – Vol. 1: From Ancient Goddesses to Christian Saints. – P. 83–137.

Принуждение как юридическая категория и его виды

Р.Ю. Березнёв

Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

ruslan_bereznev@mail.ru

Деятельность человека обусловлена сложным психическим процессом, который формируется в результате взаимного воздействия внутренних установок и внешних условий. В качестве последних могут выступать объективные обстоятельства действительности либо социальные факторы (действия других лиц). Перечислить все эти внешние условия вряд ли представляется возможным. Вместе с тем их можно структурировать в зависимости от механизма влияния на формирование воли человека.

Принуждение – один из основных видов такого воздействия, – является предметом исследования различных наук (философии, психологии, социологии, юриспруденции и др.). В наиболее общем виде под принуждением понимается воздействие, которое совершается в интересах одного лица путем подавления воли другого с целью заставить его действовать (бездействовать) определенным образом.

С юридической точки зрения указанное воздействие имеет разное значение. Во-первых, оно может представлять собой противоправное деяние. Во-вторых, принуждение может рассматриваться как общественно полезное явление. При этом право в первом случае закрепляет признаки состава правонарушения и неблагоприятные последствия его совершения (санкции), во втором – содержание, основания и порядок осуществления воздействия, т.е. принуждение регламентировано правовыми нормами. В связи с этим считаем неоправданным устоявшийся подход, согласно которому правовое принуждение ограничивается только таким его видом, как правомерное [1, с. 7–11]. На наш взгляд, под правовым принуждением следует понимать принуждение, урегулированное нормами права, т.е. как правомерное, так и неправомерное.

В настоящее время малоисследованной, как справедливо отмечает Е.М. Ефременко, является и проблема соотношения понятий «правовое принуждение» и «государственное принуждение» [2, с. 294]. При этом рассмотрение правового принуждения, как правило, ограничивается влиянием государства на участников правоотношений [3, с. 210]. В свою очередь индивидуальное воздействие лиц, допускаемое при определенных условиях, рассматривается как разновидность государственного принуждения, поскольку осуществляется в случаях, установленных государством, и под его контролем [4, с. 43].

В настоящее время трудно согласиться с таким суждением, особенно применительно к принуждению в сфере частного права. Специфика правового регулирования частнопроводных отношений, с одной стороны, значительно сужает сферу государственного принуждения, а с другой